

Николай СТАРОДЫМОВ

Мы смерти смотрели в глаза...

из романа «Не рассказывай мне страшного!..»

...Как-то под Орехово в Чечне мы провались на боевой машине к нашему подразделению, которое понесло потери. Требовалось вывезти из опасного района раненых. Совсем неподалёку гремел бой, а тут, в низинке за пригорком, словно сформировался микромир, будто где-то рядом не рвались снаряды.

На земле лежал совсем ещё мальчишка.

Не люблю, когда солдат называют мальчишками. Они не мальчики, а солдаты. Но в тот момент, когда я смотрел на убитого, первое, что бросилось в глаза — его юность. Детскость!

На щеках не проглядывалось щетины — начал ли он вообще бриться?.. Глаза мирно закрыты, верхняя губа приподнята, обнажив зубы... Вот всё, что я запомнил.

Да, ещё руки, уже связанные, для удобства транспортировки, скрученными в жгут белым бинтом. Завязанным бантиком. Руки серые, со ссадинами на костяшках, с чёрным под ногтями... Уже неживые...

Рядом сложены вещи, которые достали из карманов мёртвого мальчишки. Да какие там вещи! Военный билет. Недописанное письмо. Недогрызенный чёрный солдатский сухарь. Ещё какая-то мелочь... Всё!

Вот этот убитый в бою молодой солдат, в моём представлении, — один из самых ужасных символов войны. Недописанное письмо, недогрызенный сухарь... Всё «недо» в его короткой, по сути, ещё несостоявшейся жизни. Что он видел в свои девятнадцать? Что успел испытать настолько прекрасного, что некто там, наверху, счёл, что эту жизнь можно пресечь? Что он узнал, чтобы где-то в Кремле и на Арбатской площади решили, что его следует отправить на войну?!

Успел ли он влюбиться, этот мальчишка? Успел ли научиться целоваться — по-настоящему, чтобы у обоих голова кругом? Передо мной лежал убитый, и ему уже было всё равно, а меня почему-то занимал этот вопрос: хоть раз это холодящее тело оказалось согретым женским теплом?

По сути, у него ещё ничего не могло оказаться в прошлом. И вот уже ничего нет в будущем!

Новоявленные политики и министры приняли скоропалительное решение начать войнушку — и вот он передо мной, результат решения. Рядовая щепка локального российского лесоповала. Статистическая единица безвозвратных потерь в одной сводке. Единичка в отчётности об использованных цинковых гробах. Единичка в отчётности о перевезённых ящиках «груза 200» в службе Военных сообщений...

И так — вплоть до диалога в военкомате: — Слышь-ка, Пётр Петрович, сходи к Анне Ивановне, сообщи, что у неё сына в «цинке» привезли!

— Да я в прошлый раз ходил, к Марье Семёновне! Пусть в этот раз Степан Степанович сходит, его очередь!

— Ну, пусть он... Только поскорее, чтобы «двухсотый» за нами не числился... Ты не знаешь, как вчера наши сыграли?..

...Он лежал передо мной на земле, этот мальчишка. И сколько их лежало вот так же, по всей территории Чечни!

Этому ещё повезло: он был просто убит в бою, сразу и наповал, и тело его осталось у своих, и он не обгорел до неузнаваемо-

сти, не разметало его фугасом, и перед похоронами мать сможет в последний раз взглянуть на родные черты... И документы при нём, поэтому тело отправят родителям, а не заморозят в холодильнике на неопределённый срок, не зная, как поступить дальше... И на могилке на родине установят пирамидку с надписью: погиб, мол, при исполнении служебного долга. А не гранитную плитку на подмосковном Богородском кладбище «Неизвестный солдат»... И не оказался он в лютом плену, не подвергался жутким мукам, не принял смерть как избавление от них и не закопан неведомо где, пополнив самый скорбный из списков войны — без вести пропавших...

Не всем в Чечне даровалась такая смерть.

Сколько точно их, таких парнишек, погибло в той бойне, не скажет никто. Даже в совершенно засекреченных сводках, кото-

рого собственного. Словно она оплакивает одно лишь предположение, что это мог бы быть её ребёнок.

...Между тем санитары сноровисто загрузили внутрь боевой машины несколько раненых. Носилки с убитым взгромоздили на броню сверху, прикрутили их проволокой к каким-то скобам. И мы помчались обратно, к вертолётной площадке. Путь некоторое время пролегал по открытой местности, по тяжёлой густо напитанной водой почве — двигатели машины натужно выли, из-под глубоко проседавших в грунт гусениц летели ошметки дёрна и жирного чернозёма.

Мы успешно проскочили простреливаемый участок местности и, укрывшись за кучкой деревьев, оказались перед высокой, метра под три, насыпью, по которой проходила дорога. Механику-водителю предстояло совершить непростой манёвр: на скорости вскарабкаться по высокому

встреча двух машин — легковой и боевой — настолько западёт мне в память.

Идёт война, клокочет бой... И мы являемся врагами — солдаты федеральных сил и трое чеченцев в автомобиле. И они, убегающие, в принципе, могли ожидать от нас чего угодно: мужчину — задержать «для выяснения» в чернокозовский лагерь, машину — расстрелять за жест мальчишки, ну а вариант «красивая молодая женщина из вражеского лагеря» — и так понятен. Нет сомнения, что эти и десяток других самых ужасных предположений вертелось в голове у той чеченки...

Человек на войне — это человек прежде всего воюющий. Но есть же и такие, как та семья, люди, которые не хотят воевать. Эта убегающая от войны машина — тоже символ войны. Символ людей, которые оказались участниками её поневоле.

Попытаемся представить себе диаметрально противоположную ситуацию. Русская семья: мужчина, молодая красивая светлая женщина, мальчишка с вызывающе оттопыренным пальцем — проезжают на машине мимо группы вооружённых боевиков лагеря сепаратистов... Почему-то я сильно сомневаюсь, что в описанной ситуации боевики лишь проводили бы машину с беглецами взглядами?!

...Когда мы подъехали к вертолёту, на котором предстояло лететь в Ханкалу, увидел знакомую фигуру, чью историю мне уже рассказали.

В составе федеральных сил в Чечне воевали несколько казачьих добровольческих подразделений. Так случилось, что один казак в чём-то крупно провинился. Его наказали судом казачьей чести. Отбрали оружие и прогнали, ещё и оповестили всех, кто такой и за что осуждён.

Ни в вертолёт, ни в какой иной транспорт его без соответствующих документов не брали, так что выбраться из района боевых действий он не мог. А здесь от него все шархались, как от чумного...

Вот и болтался он, неприкаянный, поблизости от отвернувшихся от него своих.

В мирной жизни человек, от которого все отвернулись, как-то может прожить. Каково стать изгоем на войне?! Не помню, что совершил тот расказаченный, но мне его по сей день жалко.

...А ещё я помню самого первого увиденного убитого.

Это было намного раньше, ещё в Афганистане, под Гератом. Афганец лежал посреди улицы, зажатым между глинобитными дувалами. Серые стены обочь, серая дорожная пыль, коричнево-серая рубаха, светло-серые нелепые складчатые шаровары... Серое закинутае к серо-синему выжженному небу лицо. Засохшая лужица серой крови на земле... И большущая зелёная муха, которая деловито ползала по заросшему чёрным волосом рту убитого...

* * *

...У войны много символов. И ни одного нет возвышенно-романтического.

— Какая прекрасная смерть! — сказал Наполеон, глядя на лежавшего князя Андрея со знаменем в руке.

Не знаю, не знаю. Я на войнах видел немало смертей. И ни об одной не могу сказать, что она прекрасна.

Фото Александр БЛАГНИН